

Александр Крылов-Толстикович

ЗАВЕЩАНИЕ ТУРГЕНЕВА

В тесной парижской квартире умирал русский писатель, чье имя почитала вся культурная Европа. Утром 29 марта 1883 года он диктовал русскому послу в Париже Андрею Карцеву последний литературный труд: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Будучи в здравом уме и твердой памяти, я, нижеподписавшийся, коллежский секретарь Иван Сергеевич Тургенев, на случай моей смерти завещаю все авторские права и литературную собственность на сочинения мои, как изданные, так и неизданные, а равно еще должны мне по контракту книгопродавцем-издателем Иваном Ильичем Глазуновым двадцать тысяч рублей, — всецело французской подданной Полине Виардо-Гарсиа. Писано со слов моих и по личной моей просьбе в квартире моей в Париже, улице Дуэ, № 50...»

«Под рыцарским лазуревом цвета с золотым подбоем наметом, увенчанным шлемом с золотою дворянскою короной, осеняемою тремя страусовыми перьями, поставлен щит, разделенный на четыре равные части, из коих в нижней половине в левой части в голубом поле — золотая звезда, из Золотой Орды происхождение рода Тургеневых показывающая, над кою серебряная рогатая луна, означающая прежний магометанский закон; а над сею частью, в верхней половине на левой части, в серебряном поле, парящий с распростертыми крыльями и как бы отлетающий от луны орел, смотрящий вверх, — означает удаление от магометанства и воспарение к свету христианской веры. В той же верхней половине, в правой части, в красном поле, — обнаженный с золотою рукояткою меч в воспоминание кровавого заклания страдальца Петра Никитича Тургенева от Гришки Отрепьева самозванца за безбоязненное обличение его; в нижней половине, на правой части, в золотом поле, бегущий по зеленому луку конь, показывающий всегдашнюю рода Тургеневых готовность и ревность к службе го-

сударю и отечеству», — таким было описание герба древнего и благородного рода Тургеневых.

Родовитый красавец-гусар Сергей Тургенев умом и талантами пошел не в предков — так себе был человек: «ничтожный по своим качествам нравственным и умственным», фат и повеса. Карты, охота, пирушки окончательно расстроили дела гусара. Чтобы хоть как-то поправить состояние, в 1815 году женился он на немолодой, некрасивой, но богатой Варваре Петровне Лутовиновой.

Род Лутовиновых издавна славился жестокостью, корыстолюбием и редким сумасбродством. Среди них наиболее известен Иван Иванович Лутовинов — дядя матери писателя. Он учился в Пажеском корпусе вместе с А.Н. Радищевым, вышел в гвардию, но карьера не удалась, он оставил службу, уехал из столицы и зажил себе помещиком-самодуром. Как писал Тургенев, дед Иван сидел на террасе усадьбы, «попивал чаек и, прислушиваясь к ударам розог на конюшне, добродушно приговаривал в такт: “Чюки-чюки-чюк! Чюки-чюк! Чюки-чюк!”» Тем не менее, «чюки-чюки» не помешали ему отстроить усадьбу в родовом гнезде Спасское-Лутовиново, собрать отменную библиотеку и содержать домашний театр.

Мать писателя, Варвара Петровна, родилась спустя два месяца после смерти отца, страдала от тяжелого характера матери и буйного, вечно пьяного отчима. Однажды, полуодетая, она убежала из родного дома в Спасское к дяде Ване Лутовинову.

Некоторые литературоведы считают, что усадьбу Иван Лутовинов строил для своего незаконнорожденного сына Ивана — отголоски этой истории нашли отражение в рассказе Тургенева «Три портрета». Но мальчик умер, и смерть его стала тяжелейшим ударом для самовластного барина. И может быть, именно поэтому он согласился принять в дом племянницу Варвару, бежавшую от родительского произвола — и не только принять, но и сделать своей наследницей. Здесь Варваре тоже довелось пережить немало унижений, и лишь после смерти дядюшки она стала богатой помещицей. Отныне 28-летняя «старая дева» сделалась завидной невестой, чему в немалой степени способствовало огромной приданое: только в орловских имениях насчитывалось 5000 душ крепостных крестьян, а были деревеньки еще и в Калужской, Тульской, Тамбовской, Курской губерниях. Одной только серебряной посуды в Спасском набралось 60 пудов, да вдобавок капитал исчислялся в 600 тысяч рублей.

Красотой Варвара не блистала. «На ее некрасивом лице с массивным подбородком и носом с широкими ноздрями оставались следы оспы, — писал Анри Труайя в своей книге о Тургеневе. — Единственным украшением ее были большие, лучистые глаза».

Брак богатой заневестившейся сироты с красавцем-гусаром никак нельзя отнести к тем, что совершаются на небесах... Увы, уже с первых месяцев совместной жизни Варвара Петровна осознала горькую истину — муж ее не любит. Тем не менее, у них родились трое сыновей: Николай, Иван и Сергей, страдавший тяжелой формой эпилепсии и умерший в 16 лет.

Муж играл по-крупному, заводил любовниц, а потом и вовсе ушел из семьи. Жена свирепо тиранила дворовых людей и разводила садовые цветы. Умная, властная, сумасбродная барыня, она прекрасно музицировала, разбиралась в искусстве, общалась с лучшими представителями русской культуры того времени. Достаточно сказать, что среди ее знакомых были В.А. Жуковский, И.И. Дмитриев, Н.М. Карамзин...

В характере Варвары Тургеневой удивительным образом сочетались самые противоположные качества — скупость и щедрость, жестокость и чувствительность; она то впадала в приступы беспричинной депрессии, то пребывала в восторженном возбуждении, которое заканчивалось вспышкой беспричинной ярости. Один из таких случаев, надолго запомнившийся будущему писателю, лег в основу рассказа «Му-му». По мнению знаменитого отечественного психиатра Г.В. Сегалина, в характере Варвары Тургеневой явственно «просматриваются черты психопатической натуры (если не душевнобольной)».

30 октября 1834 года Сергей Тургенев умер, но жена на его похоронах не присутствовала — в это время она находилась в Европе, где родила дочь, отцом которой был домашний врач Тургеневых.

Сам Иван Сергеевич Тургенев нечасто вспоминал детство — в те годы его «драли за всякие пустяки, чуть не каждый день. Если я отважился спросить, за что меня наказали, мать категорически заявляла: “Тебе об этом лучше знать, догадайся”». Будущий писатель учился сначала в частном пансионе Вейденгаммера; затем в Московском университете и в Петербургском, который он окончил в 1836 году. Мечтая о научной деятельности, Тургенев отправился в Германию для усовершенствования в науках.

В пути с ним произошел случай, наложивший отпечаток на всю его судьбу. На корабле «Святой Николай», шедшем по Балтийскому морю, начался пожар. Страшно напуганный Тургенев умолял матросов за любое вознаграждение спасти его. Молодой человек впал в истерику, жалобно восклицал: «Умереть таким молодым!» Расталкивая женщин и детей, Тургенев пробирался сквозь толпу пассажиров к шлюпкам. Пожар потушили, пассажиров отвезли на берег, но репутация Тургенева оказалась сильно подмоченной. Вскоре история о поведении русского аристократа дошла до Петербурга и Москвы, сделав Тургенева предметом насмешек и издевательств. Мать в гневе хотела отказаться от сына...

Желая забыться, унять угрызения совести, Тургенев погрузился в учебу в Берлинском университете. Он начал писать стихи и рассказы — произведения начинающего автора неожиданно получили благожелательные отзывы критиков. Но литературный успех не обрадовал мать, оставшуюся в России. Столкновения с сыном принимали все более острый характер, Варвара Петровна перестала посылать ему деньги — он остался без средств, хотя в обществе по-прежнему слыл человеком весьма состоятельным.

В 1850 году Варвара Петровна скончалась, и Тургенев, разделив с братом богатое наследство, становится богат и независим, растет его литературная и общественная известность. За шесть лет после вступления на престол Александра II Иван Сергеевич издает четыре своих знаменитых романа («Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети»). Тургенев становится модным писателем, ему подражают, им восхищаются, его меткие фразы на устах у всех образованных людей.

Правда, среди писателей Тургенев был, мягко говоря, не слишком любим. Он постоянно конфликтовал, ссорился, интриговал; мог пригласить знакомых на обед и спокойно забыть о своем приглашении, уехать из дома; за глаза критиковал произведения знакомых и чрезмерно льстил им при встрече. Его недолго любил Федор Достоевский, а И.А. Гончаров каждый новый тургеневский роман считал плагиатом (имея в виду свои произведения «Обломов» и «Обрыв») и называл коллегу не иначе, как «фатом и жуликом». Амплитуда отношений Тургенева и Льва Толстого — от обмена натянутыми любезностями до вызова к барьеру...

Он был очень добрым и мягким человеком, но за этой мягкостью подчас скрывались безволие, слабость, неуверенность в себе.

«Среди тургеневских червоточин была одна, очень его мучившая, — он заметил ее за собою еще в детстве: неполная правдивость, — отмечал писатель Б.К. Зайцев. — Живое ли воображение, желание ли блеснуть, высказаться, текучесть ли и переменчивость самой натуры, но он иногда бывал лжив. Это отдаляло его от многих, создавало впечатление позера и человека, на которого нельзя положиться (на него и действительно нельзя положиться!)...»

Он всегда модно одевался, следил за собой, щеголял в синем фраке с золотыми львиными пуговицами, в светлых клетчатых панталонах, белом жилете и цветном галстуке. Его манеры отличались вялой небрежностью, показной усталостью, томностью. А.И. Герцен после знакомства с Тургеневым назвал его «Образованным и умным Хлестаковым». Лев Толстой характеризовал коллегу с эпической простотой: «дрянь», приписав спустя пару дней к нелицеприятному эпитету своеобразный «постскриптум»: «Трудно встретить безобразнейшее существо».

«Вся моя жизнь пронизана женским началом, — утверждал Тургенев. — Ни книга, ни что-либо иное не может заменить мне женщину... Как это объяснить? Я полагаю, что только любовь вызывает такой расцвет всего существа, какого не может дать ничто другое».

Недаром старые врачи утверждали, что любовь, как детская болезнь — ей подвержены все люди... Но одни проходят это испытание легко и с удовольствием, другим оно доставляет немало мучений и страданий. Любовная хворь Ивана Тургенева не оставляла его всю жизнь.

Он смолоду слыл отчаянным ловеласом — может, сказались гены отца? Совсем еще подростком Тургенев страстно влюбился в княжну Екатерину Шаховскую, которая была старше его на четыре года. Кокетливая красавица Шаховская кружила головы многим мужчинам, не устоял перед ее чарами и отец писателя. Девушка ответила ему взаимностью, а сердце сына оказалось разбито. Впоследствии эта история легла в основу повести «Первая любовь». Но Шаховская была только первой, пока еще неудачной, попыткой любовного приключения. Потом дон-жуанский список Тургенева стремительно увеличивался...

Как-то раз, ужиная в компании французских писателей — Флобера, Золя, братьев де Гонкур, — Тургенев поведал романтическую историю: «Послушайте-ка, в молодости у меня была любовница —

мельничиха из окрестностей Санкт-Петербурга. Я встречался с ней, когда ездил на охоту. Она была прехорошенькая — блондинка с лучистыми глазами, какие встречаются у нас довольно часто. Она ничего не хотела от меня принимать. А однажды сказала: “Вы должны сделать мне подарок!” — “Чего ты хочешь?” — “Принесите мне мыло!” Я принес ей мыло. Она взяла его и исчезла. Вернулась раскрасневшаяся и сказала, протягивая мне свои благоухающие руки: “Поцелуйте мои руки так, как вы целуете их дамам в петербургских гостиных!” Я бросился перед ней на колени... Нет мгновенья в моей жизни, которое могло бы сравниться с этим!» Вероятно, эта история была не просто поэтическим экспромтом. Еще в Лутовиново он увлекся белошвейкой Дуняшей, которая в 1842 году родила ему дочь Пелагею. Взволнованный Тургенев пытался оправдаться перед матерью, просил о прощении. «Ты странный, — отвечала ему мать, — я не вижу греха ни с твоей, ни с ее стороны. Это простое физическое влечение».

Однако жизнь свою он связал не с прекрасной мельничихой, не с белошвейкой Дуняшей, а с испанской певицей Полиной Виардо-Гарсиа, о которой злые языки говорили, что она «потрясающе некрасива» — сутулая, с глазами навывкате и смуглым до черноты лицом, на которое художник Илья Репин не решался смотреть анфас. Поразительно, но сам Тургенев также не обольщался внешностью избранницы сердца. «Дон Кихот по крайней мере верил в красоту своей Дульцинеи, а нашего времени донкихоты и видят, что Дульцинея урод, а все одно бегут за нею», — писал он о Виардо. И в то же время она была наделена грацией, умом и талантом, ее голос заставлял забывать о внешних недостатках.

Они познакомились в 1843 году. Это была странная связь. Двадцатисемилетний красивый русский аристократ Иван Тургенев, цыганистая меццо-сопрано Полина и ее муж Луи Виардо, директор парижской Итальянской оперы, бывший на двадцать лет старше жены — разница в возрасте, даже по тем временам, немалая.

Однако тройца прекрасно ладила между собой. Полина концертировала, муж писал хвалебные статьи о творчестве Тургенева и переводил его романы на французский язык, они ездили на охоту и восторгались собаками. Возможно, Луи Виардо полагал, что Тургенев, человек с именем, поможет ввести певицу в высшее общество, что повысит и без того немалые гонорары оперной дивы. Действитель-

но, два-три успешных сезона в Петербурге могли обеспечить семью Виардо на всю жизнь. Сам писатель наслаждался обществом мужа, боготворил Полину и учил ее русскому языку. «С той самой минуты, как я увидел ее в первый раз, с той роковой минуты я принадлежал ей весь, вот как собака принадлежит своему хозяину... Я уже не мог жить нигде, где она не жила; я оторвался разом от всего мне дорогого... не мог наслушаться ее речей, налюбоваться каждым ее движением, я, право, и дышал-то вслед за ней...» — признавался Тургенев. Зато мать Тургенева до самой смерти была в бешенстве от романа с «проклятой цыганкой», угрожая сыну лишением наследства.

Тургенев последовал за Полиной в Париж и, не слишком смущаясь, поселился в доме у Виардо. Со стороны ситуация смотрелась довольно пикантно: парижское общество единодушно записало русского писателя в любовники певицы, но даже легкомысленные парижане поражались, как троица умудряется мирно уживаться под одной крышей. Однако конфигурация любовных отношений далеко выходила за рамки банального альковного треугольника. Пылкая Полина Виардо частенько увлекалась другими мужчинами, немало сплетен вызвали ее романы с принцем Баденским и немецким композитором Юлиусом Рицем. В 1856 году Полина родила сына, но кто был его отцом, так и осталось невыясненным. Мужу и Тургеневу Полина предложила только дружбу, «свободную от эгоизма, прочную и неутомимую».

Дружба — дружбой, но в разлуке они обменивались нежными любовными письмами. «Теперь же протяните мне ваши милые и дорогие руки, чтобы я мог сжимать их и долго-долго целовать. В особенности — правую, ведь ею вы пишете? Будьте же счастливы, самое лучшее, любимое существо», — писал Тургенев любимой.

Так продолжалось почти пять лет. Но любой роман должен иметь какое-то продолжение, здесь же что-то не складывалось... Под предлогом необходимости в уединении Тургенев проводил зимние месяцы на пустой даче Виардо. Однако, чтобы Полина не забыла о его существовании, Тургенев оставил певице на воспитание свою внебрачную дочь от белошвейки Дуняши, которая отныне воспитывалась с детьми Виардо.

Наконец Тургенев решил вернуться в Россию и поселиться в своем имении Лутовиново. Здесь умерить любовную тоску помогла крепостная его кухни по имени Феоктиста, лицом похожая то ли

на цыганку, то ли на испанку. Не колеблясь, Иван Тургенев уплатил семьсот рублей и приобрел крепостную девку в свою полную ответственность...

А летом 1853 года Тургенев встретился с сестрой Льва Толстого, Марией Николаевной. Она любила точные науки и презирала стихи. Тургенев читал ей «Евгения Онегина» и тайком целовал руку. Мария рассчитывала, что увлечение красавцем Тургеневым легко пройдет — ведь она была замужней женщиной. Но потом, влюбившись до потери рассудка, ушла от мужа. А Иван Сергеевич внезапно охладел к Толстой. Чем не вариация на тему «Анны Карениной»? Что тут поделать — любовь Толстой и Тургенев воспринимали совсем по-разному...

Если любовная хворь приносит не только душевные терзания, но и радость, то телесные недуги причиняют гораздо больше мучений. Иван Тургенев с детства не отличался отменным здоровьем. Он рос хилым, болезненным мальчиком, с непропорционально большой головой и слабыми ногами. Именно по этой причине родители выбрали ему не военную стезю, как старшему брату Николаю, вышедшему в гвардейские офицеры, а определили в статскую службу, в Министерство внутренних дел.

«У меня кости черепа так тонки, что если кто из товарищей хлопнет по голове — мне делалось дурно, — признался как-то Тургенев поэту Полонскому, предложив потрогать голову. — Видите, у меня до сих пор не срослись кости черепа». Впоследствии, при вскрытии тела писателя в 1883 году, патологоанатомы обнаружили: кости черепа были так истончены, что гнулись словно тонкая пластина, а мозг весил значительно больше обычных показателей.

Тургенев с детства отличался повышенной мнительностью, он постоянно и всерьез опасался за свое здоровье. Возможно, склонность к депрессии, постоянной меланхолии знаменитого писателя были сформированы еще в детстве. По мнению профессора А.В. Шувалова, «жестокое воспитание матери, видимо, не дало ему возможности нормального развития, возможности объяснить свои поступки и защитить себя. Из этих дефектов воспитания и неразрешенного эдипова комплекса (образ нелюбимой матери) возникла и ненависть к «мещанскому счастью», браку, семье — тем понятиям, которые в силу своей сущности связаны с женщиной... можно говорить о суще-

ствовании психологических стрессов и напряженности в душевной жизни писателя...»

Даже легкая простуда неизменно считалась у Тургенева предвестником скорой смерти. Во время эпидемии холеры в Петербурге от одного только опасения заразиться он начал испытывать неприятные симптомы этого опасного заболевания (диарея), перестал выходить из дома. К сорока годам Тургенев всерьез считал себя стариком. Его мучили приступы подагры и беспокоило сердце. Как-то раз он полушутя, полусерьезно спросил Полину Виардо: «Знает, чего я всего более желал бы? Пять минут постоять и не ощущать боли».

В марте 1882 года Тургенев почувствовал первые признаки нештучной, роковой болезни. Но, как часто бывает, теперь он не верил, что ему угрожает реальная опасность, он считал, что недуг будет тянуться, подобно подагре, много лет. Тургенев обратился к знаменитому парижскому врачу Жану Мартену Шарко. Светило медицины поставил пациенту диагноз «грудная жаба» и успокоительно порекомендовал: «Надо лежать, такая болезнь может длиться недели, месяцы и даже годы». Диагноз вполне устроил Тургенева: «Что ж? Остается примириться с безысходностью положения: живут же устрицы, прилепившись к скале...»

Однако недуг стремительно прогрессировал. Кроме грудной жабы — так тогда именовали стенокардию — появились признаки опухоли спинного мозга, которая разрушила три позвонка. В июле 1882 года он уже не мог писать — после пятой строки возникала острая боль в плече. Вскоре только укол морфия помогал ему избавиться от страданий. Наркотики облегчали физическую боль, но приносили жуткие галлюцинации. Тургенев рассказывал, как оказался на дне моря и видел чудовищные сцепления безобразнейших существ. Когда боль становилась совершенно невыносимой, Иван Сергеевич умолял Полину Виардо выбросить его в окно. Певица неизменно отвечала: «Вы слишком большой и тяжелый, и потом, это может вам повредить». В ответ она слышала только неизменную просьбу: «Вы будете мне большим другом, если дадите пистолет!»

Лето 1882 года семья Виардо провела вместе с ним в Буживале, откуда Тургенев пишет поэту Я. П. Полонскому и признается, что его болезнь неизлечима, но уходом и вниманием он не обделен. Заканчивается письмо печальной фразой: «Когда вы будете в Спасском,

поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу, родине поклонитесь, которую я уже вероятно никогда не увижу».

В январе 1883 года Тургеневу делают хирургическую операцию — хирург Поль Сегон удаляет ему опухоль в лобковой области. Тургенев записывает свои ощущения во время операции: «Было очень больно; но я, воспользовавшись советом Канта, старался давать себе отчет в моих ощущениях и, к собственному изумлению, даже не пикнул и не шевельнулся».

Писатель Альфонс Доде, навещавший Тургенева во время болезни, видел одну и ту же картину: в крохотном полутемном кабинете лежал, сжавшись в комок, исхудавший, больной старик. Под звуки музыки и пения, раздававшиеся с нижних этажей, он рассказывал Доде о перенесенной операции, о страшных болях, мучавших его по ночам.

За несколько месяцев до кончины Тургенева умер Луи Виардо. «Как бы я хотел соединиться уже со своим другом», — сказал писатель, узнав о его смерти.

К физическим мучениям присоединилось еще и психическое расстройство. Лечащий врач Тургенева в письме к знаменитому русскому терапевту С.П. Боткину писал о появившемся страхе преследования, враждебном отношении к окружающим и друзьям. «Время от времени у больного появляются помыслы о самоубийстве и даже человекоубийстве». Больной пожаловался знакомому врачу и писателю Н.А. Белоголовому, что причиной его болезни стало отравление: «Поверьте, это так, я уж знаю».

20 августа 1883 года П. Виардо шлет телеграмму в Петербург с сообщением, что Тургенев очень плох. Писатель впал в бред, вскоре началась агония. Перед смертью он пришел в себя и сумел произнести: «Ближе, ближе ко мне, я хочу всех вас чувствовать около себя... Настала минута прощаться... Простите!» В понедельник 22 августа (3 сентября) 1883 года в 2 часа дня Ивана Сергеевича Тургенева не стало.

«Он никогда при жизни не был так красив, можно даже сказать, так величествен; следы страдания, бывшие еще заметными вчера, на второй день исчезли совсем, распустились, и лицо приняло вид глубоко задумчивый, с отпечатком необыкновенной энергии, какой никогда не было заметно и тени при жизни, на навечно добродушном, постоянно готовом к улыбке лице покойного», — писал его друг М. Стасюлевич.

* * *

Французские доктора после вскрытия дали медицинское заключение о причинах смерти русского писателя: «И.С. Тургенев умер от раковой опухоли. Первоначально саркома появилась в лобковой области и оперирована доктором Сегоном... Перенос этого страдания в 3-й, 4-й и 5-й спинные позвонки произвел полное разрушение тел позвонков и образование нарыва спереди оболочек спинного мозга. Этот нарыв сообщался фистулезным ходом с одним из бронхов верхней доли правого легкого. Этот метастаз был причиной смерти».

За несколько дней до смерти Тургенев завещал похоронить его подле В.Г. Белинского. Последнее желание было выполнено. Тело великого русского писателя перевезли на родину и похоронили 9 октября на Волковом кладбище в Петербурге при огромном стечении народа.

